

УБРАНСТВО ЗНАТНОЙ ЕВРЕЙКИ

(Окончание)

Прислужницы долгое время старательно и затейливо собирали мелкие складочки на переди этого легкого платья. Потом они поставили перед Рахилью несколько пар сандалий, кои все были сходны между собою покроем и все отличались друг от друга прикрасами и цветом. Ремешки и тесьмы, которыми они завязывались, были то красные, то желтые, то синие, иногда даже разноцветные, теньевые. Одни из сандалий прикреплялись к ноге металлическими цепочками, другие золотыми и серебряными пряжечками, сделанными наподобие орлиного носа или ястребиных когтей. Рахиль выбрала пару сандалий, в коих искусная рука ухитрилась сделать перевив, представлявший решетку пурпурового цвета, и которые, охватывая ступень и подъем ноги, не закрывали оных, а только оттеняли белизну тела; осыпанная дорогими каменьями пряжка препятствовала им спадать с ноги. Рахиль, немного пройдясь по своей уборной комнате, весьма хвалила искусство тирских художников, которые делали столь прекрасные вещицы¹.

Вторая туника², гораздо длиннее первой, но не столь высоко захватывающая около шеи, так, что из-под нее выказывалось шитье сорочки, принесена была после. Ярко-алые цветы рассеяны были на ней по белому полю: рукава очень широки, и одежда сия составляла множество складок вокруг тела прелестной израильтянки. Края рукавов низаны были дорогими каменьями, злотым шитьем и маленькими серебряными звездочками, вокруг же обложены были весьма широкою пурпуровою

бахромою и нашитыми по местам перлами и самоцветными камнями. На хвосте сей влачащейся одежды нашито было несколько рядов или кругов из кованого и полированного металла, препятствовавших ему развеяться по ветру; под сим украшением, придуманным с полезною целью, шитье золотом и жемчугом, представляющее лик луны и солнце, служило накладкой и бахромой сему великолепному одеянию, коего просторность придавала Рахили тот вид величия и пышной осанливости, каковыми Иеремия столь часто укорял горделивых дочерей Иудиных.

Нужен был еще пояс, чтобы сдерживать складки на платье и обрисовывать стройный стан Рахили. Никакая вещь из убранства знатных жен еврейских не была столь богато изукрашена, как сия. Прекрасная израильтянка велела подать себе ларчик, заключающий в себе все разнообразие сих украшений: в нем находились пояса всякого размера и всех цветов, от двух до пяти дюймов шириною и от 30 до 40 футов длиною. Хитростию искусства, которую переняли или, может быть, вновь изобрели новейшие, сии украшения были приноровлены таким образом, что, опоясываясь несколько раз около тела, на многочисленных кругах своих являли они взору рисунки мест, людей и эмблематические изображения, которые тогда только получали правильный вид, когда пояс был на своем месте и когда хитрою рукою подобраны все составляющие оной части. По сему-то образцу придуманы опахала наших дам; и мы видывали также небольшие картинки, нарисованные на обрезе некоторых книг, переменяющие вид и производящие различное действие на зрение наше, по мере того, когда закрывают или открывают книгу, сжимают

ее или распускают веером. Пояс, выбранный Рахилью по кратковременной нерешимости, был алый, одного оттенка с цветами, рассеянными по ее платью; ткань его, из тонко выпряденной бумаги, замечательная своею шириною, украшена была плетеницами восточных цветов, искусно вышитых серебром. Когда сей пояс*, надетый весьма низко, обхватил гибкий и прелестный стан юной иудейки и когда застегнули под грудью концы его, обложенные бахромою, которая, рассыпаясь по сторонам, мешалась с последними складками одежды,— тогда можно было подумать, что то была богиня сирийская, которой красота привлекла ей служение евреев отступников и заняла место подле самой Киприды в очаровательных баснях Греции.

Между тем часы утекали, и звук псалтирей³ и кимвалов⁴ отозвался в слухе Рахили, которая боится опоздать во храм святой, куда уже стекался народ и где должны отличаться блеском ее соперницы. Она хочет, чтобы прислужницы ее спешили еще более. Ей приносят великолепный головной убор, который она впервые наденет. Видом похож он на шлем; сзади длинный сну рок из синего шелку с золотом упадает на плеча; спереди, на том месте чела, где начинаются волосы, многие нитки шелку, завязывающиеся на затылке, поддерживают горизонтально три полукруглые витка из льняной ткани, столь же тонкой и белой, как кисея. Пурпуровая лента перевивается по пространству между сими витками, красиво расположенными, и пролегает по разным округлостям головного убора; наконец, другая пурпуровая ткань, не столь яркого цвета, положенная с противной

* Исая, 3, 21.

стороны, пересекает под прямым углом перевивы ленты и дополняет сей пышный убор*, поверх коего блестит медный шлем, и перо, от которого распущенные складки ткани развеваются дуновением ветра по воздуху.

К сему наряду, который с прелестью, с роскошью азийскою соединяет в себе некое чудное, мечтательное величие и какую-то воинственную сановитость, присовокупляется другой убор, как бы напоминающий духовный и горделивый характер, коим запечатлено было все племя иудейское. То был золотой венец, тонкий и блестящий обод, в котором вставленные перлы изображали письма священные и который, окружая, но не закрывая чело Рахили над самыми бровями, скрывался под шлемом; на висках к этой повязке** прикреплены две цепочки из кораллов, кои спускаются по очертанию ланит и соединяются у подбородка. Это украшение народное и отличительная черта жен иудейских. Лица их, обыкновенно продолговатые и сильно выразительные, вставлялись (если смею употребить это слово) в сии рамы перл, кораллов и золота с особенною прелестью. И если мы не присоветуем сего украшения женщинам круглолицим, коих лицо ничего бы от этого не выиграло, то думаем, что сия двойная коралловая цепочка, упавая по обе стороны лица, весьма бы пристала тем, у коих лица продолговатые, ибо лицо от сего казалось бы круглее и скрадывалось бы излишне остроконечное очертание оногo снизу.

Думаешь ли ты, читатель, и в особенности вы, кои по своему полу еще более подстрекаемы любопытством проникнуть в священные и глубокие таинства нарядов, существовавших за двадцать три века пред сим, думаете ли вы, что убранство Рахили совсем уже кончено?

* Талмуд, 6, 39.

** Талмуд, 6, 39.

Вы весьма ошибаетесь. Мы видели только первое действие сей драмы, толико важной в жизни женщин всех веков и всех народов. Рахиль принадлежит к одной из тех благородных фамилий, которые пользуются всеми благами земными и, в силу наследственного права, видят прочих людей, ползающих по земле на необъятном расстоянии от них. Роскошь, великолепие сродны Рахили с юных ее лет; сия дочь знаменитого рода не постигает, как можно ходить не в украшенных золотом сандалиях или пить из глиняного сосуда? Посему не должно удивляться медлительным и расточительным ее заседаниям в уборной. Прошло то время, когда девы иудейские засыпали в кочевом шатре, закутанные в широкую епанчу, без всяких других украшений, кроме природной красоты своей и, может быть, легкого пояса, обвязанного вокруг их тела. Колено Иудово не кочует более: пустыня престала уже расстилаться под утомленными стопами сынов его: вся пышность монархий Ассирийской и Вавилонской передана Иерусалиму. “Бог скоро казнит его,— восклицает Иезекииль,— за высокомерие дочерей его и за сладострастную роскошь их одежды”.

Но возвратимся к нашей израильтянке. Последние заботы ее о нарядах составляли украшения самые приманчивые и пышные. Она разложила перед собою и сравнивала одни с другими разные дорогие вещицы, которые удивляли взор своим числом и разнообразием. Между ними были кольца, вдеваемые в уши, равно как и другие Украшения, к тому назначенные, большого размера и разделенные на две части, из коих одна серебряная,

продолговато-круглая и плоская, другая золотая, поддерживаемая первою и сделанная наподобие малой чары или урны^{*}; такова была пара серег, выбранная прекрасною иудейкой. Прислужницы ее, продев сии серьги в скважины, для них назначенные и где дотоле место их занято было небольшими круглячками из черного дерева, дабы тело не срасталось, вдели в уши Рахилины и еще несколько серебряных колец поменьше, и не только в нижней оконечности ушей, но и вокруг верхней оных части, в которой, по странному обычаю, сохранившемся в Азии, проколото было по несколько маленьких скважин.

Если это необыкновенное украшение вас удивляет, то скоро удивление ваше еще увеличится. Не в одном хряще уха, но и в хряще носа, более нежном и гибком, привешиваются золотые кольца руками женщин Рахилиных. Одно из сих колец столь велико, что обхватывает нижнюю и верхнюю губы, оставляя, однако ж, устам свободу движений. Когда Рахиль идет, то все сии вещицы сотрясаются и звенят; такой звук и доньше нравится женщинам Востока, и им вторятся, как известно, мерные пляски баядерок^{*5}.

Засим надевала Рахиль многие запястья, сделанные из тонкого золота и серебра, с пряжками из дорогих камней. Запястья сии покрывали всю руку от кисти до самого локтя. Рахиль надела их таким образом, что самые узкие из них постепенно отдалялись от кисти. Нитка мелкого жемчугу, перенизанного с крохотными серебряными колокольчиками, прицеплена была к пряжке самого крайнего запястья, и Талмуд^{**}, коего достойному уважения свидетельству не станем мы противоречить, возвещает,

^{*} Талмуд, 6, 43.

^{*} См. путешествия по Индии сэра Дж. Малькольма⁶ и т. п.

^{**} Талмуд, 8, 5.

что звон сих колокольчиков, потрясаемых руками красавиц израильтянских, часто бывал

167

знаком любви и призывом к наслаждению.

К сим характеристическим украшениям должно причислить и несколько обручей из полированного серебра, надевавшихся на ноги повыше застежек, коими заснурованы были сандалии. С привешенными к ним медными цепочками, бьющимися об металл, у коего они находятся, сии ножные запястья манят к себе взор, когда складки одежды приподымаются во время шествия, и с каждым шагом носящей их красавицы поражают слух чудным дребезжаньем.

Широкое ожерелье, состоящее из многих ниток жемчугу, перенизанного с золотыми, внутри пустыми шариками, изображающими разные зерна, надето на шею Рахили и ниспадает на грудь ее между *хитоном*⁷ и полураспахнутой одеждой, из-под которой видно богатое его шитье. Ожерелье сие описывало неравные круги. Первая нитка обвивалась около шеи Рахилиной, а последняя спускалась до самого пояса. Маленькая серебряная луна и золотая вещица, представляющая солнце*, оканчивали последнюю нитку сего ожерелья, коему служили они замочком. Наконец видны были на многих местах других ниток золотые змеи, повешенные на шелковинах сего ожерелья, а маленькая фиола из оникса ослепительной белизны, прикрепленная цепочкой к замку, о коем сказано было выше, дополняла сие многоценное украшение, с коим реки алмазов, носимые женщинами**

* Тертулиан.

** Талмуд, 5, 42.

наших стран и нашего времени, едва ли сравнятся великолепием.

В сем-то блестящем, праздничном убранстве Рахиль под длинным, до половины приподнятым покрывалом явилась во храме. При выходе ее из дома прислужницы накинули ей на плеча *симлах*, или четвероугольную епанчу фиолетового цвета, соответствовавшую нынешним шалям, которые, как известно всякому, вывезены в Европу из Азии. *Симлах* был без всяких украшений и назначался для того, чтобы составлять противоположность с пышностью прочих нарядов, вокруг коих обвивался он в приятных для глаз складках. Пряжка, застегивающаяся на правом плече, сдерживала сей род мантии.

Если б я был охотник до ученых изысканий, то мог бы за каждую частицей убранства Рахили присовокуплять весьма остроумный комментарий, который заключал бы в себе полную историю всего упомянутого здесь. С некоторыми повторениями и с легким пособием отступлений и вставок я мог бы, по образцу ученого г. Гартманна Лейденского⁸, втиснуть все сие учение об иудейской уборной комнате в три тома *in-octavo*⁹, содержащие в себе *тысячу восемьсот девяносто три* страницы, с оглавлениями, с таблицами, ссылками и дополнениями, но меня не стали бы читать. Я рассказал на нескольких страницах именно все то, что заключают в себе его три тома. Дамы наши, которых напугала бы его ужасная ученость, узнают от меня, как наряжена была Эсфирь и какое оружие присовокупила Юдифь к смертоносному своему кинжалу¹⁰. Не отчаиваюсь в первом публичном маскараде встретить какую-либо из моих соотечественниц в костюме Далилы, с кимвалами в руках и так, как я описал свою героиню: тогда я увижу, что я

**способствовал общественному удовольствию, и возгоржусь
моим влиянием на век мой.**

(Из “Blackwood’s Magazine”.)